

Рольф Книпер, профессор Бременского университета, почетный профессор Каспийского университета, эксперт Германского общества по международному сотрудничеству (GIZ), доктор права (Германия)

Доклад на Международной научно-практической конференции
(в рамках ежегодных цивилистических чтений) «Неимущественные права»,
посвященной 25-летию ГК РК
(Алматы, 19-20.09.2019)

К вопросу о денежном возмещении морального и материального вреда

1. Постановка вопроса

Дискуссии о сообразности требования финансовой компенсации за так называемый неимущественный, моральный или нематериальный, ущерб начались еще до больших кодификаций XIX и XX веков. В этих спорах участвовали уже Иммануил Кант, Фридрих Карл фон Савиньи и другие философы и юристы эпохи Просвещения. Дебаты оказали влияние на редакцию французского Кодекса Наполеона – Гражданского кодекса Code Civil (CC) 1804 г., Всеобщего гражданского уложения Австрии (ABGB) 1811 г., Германского гражданского уложения (BGB) 1900 г., а также Обязательственного права Швейцарии 1911 г. как части Гражданского кодекса Швейцарии (ZGB-OR).

Даже после вступления в силу этих кодексов споры ни в коей мере не утихали. Как в литературе, так и в судебной практике постоянно делались попытки реформ в том или ином направлении.

Разумеется, эти дискуссии сыграли важную роль и в кодификации гражданского права в посткоммунистических государствах и способствовали выработке различных подходов, причем, например, в Гражданских кодексах Казахстана и России, с одной стороны, и Армении – с другой, законодатели пошли разными путями. Если, например, ст. 141-146 Гражданского кодекса Казахстана (ГК РК) и статьи 150-152 российского Гражданского кодекса подробно регулируют право

на компенсацию нематериального вреда, то в первоначальном Гражданском кодексе Армении соответствующее регулирование отсутствует: дефиниция в статье 17 однозначно исключает моральный вред из дефиниции морального вреда. Последней страной Западной Европы, кодифицировавшей денежную компенсацию морального вреда в 1992 году, были Нидерланды.

Данная проблематика имеет также международно-правовое измерение. Это проявляется в том, что и проект Комиссии международного права Генассамблеи ООН (ILC) "Ответственность государств за международно-противоправные деяния" от 2001 г. (ILC Draft Articles), в котором в основном кодифицировано обычное международное право, в статье 31 однозначно определяет, что обязанность возмещения вреда охватывает все формы ущерба, "материального или морального" (ст. 31.2: „Вред включает любой ущерб, материальный или моральный, нанесенный международно-противоправным деянием государства“ – "Injury includes any damage, whether material or moral"). Правда, это действует только, если ущерб может быть исчислен в денежном выражении (ст. 36.2: „financially accessible“).

При сравнительном анализе выясняется, что были найдены очень разные решения. Отличия указывают на отсутствие единства в вопросах как о цели требований возмещения, так и – в связи с этим – о форме и размере возмещения. Если отважиться на осторожное общее высказывание, то, вероятно, можно было бы сказать, что последние кодификации и реформы более ранних кодификаций скорее готовы допустить финансовое возмещение.

Условно говоря, можно выделить два вида права на возмещение.

В одной группе случаев имеют место нарушения правовых интересов (правовых благ), приведшие к повреждению имущества, то есть к материальному вреду, который подлежит возмещению. Дополнительно и одновременно с этим должны быть нарушены и блага/интересы, не имеющие имущественной ценности, так что помимо права на возмещение материального вреда должно существовать и право на возмещение этого одновременно установленного вреда. Интересная конструкция данной ситуации содержится в статье 142 ГК РК. Здесь устанавливается, что в случае одновременного нарушения как неимущественных, так и имущественных прав судья вправе просто увеличить размер возмещения имущественного вреда на сумму

компенсации за нарушение неимущественных прав. А после проведения в Германии в 2002 г. реформы права, регулирующего возмещение вреда, новый абз. 2 § 253 Гражданского уложения Германии устанавливает, что в случае "нанесения телесного вреда, вреда здоровью, нарушения свободы или права на сексуальное самоопределение" должно выплачено возмещение, "в том числе за вред, который не представляет имущественного ущерба, может быть потребовано справедливое возмещение в деньгах".

Вторая группа прав на возмещение включает в себя причинение вреда нематериальным благам. К ним относятся честь и достоинство человека, общие личные права, нарушение которых может вызвать физические и моральные боли и страдания или снижение жизненного тонуса, психическую подавленность и страхи, вплоть до страха смерти или боязни изменения личности.

2. Разграничение понятий

Прежде чем перейти к рассуждениям о возможных требованиях денежного возмещения, необходимо сделать два уточнения.

1. Нарушения нематериальных прав и благ являются противоправными, запрещенными и должны преследоваться по закону. Сюда относится уголовно-правовое преследование нарушителя, а также принятие им обязательства не повторять деяния и взятие обратно оскорбительных высказываний или принесение извинений. Большинство гражданских кодексов предусматривают такие правовые средства. Статья 37.2 ILC Draft Articles именуется это "сатисфакцией" и называет все ее формы, заключающиеся в признании нарушения, однозначном выражении сожаления, официальном извинении или в иной подобающей форме выражения.

2. Если нарушения личных прав ведут к ущербу, который может быть установлен в денежном исчислении, то таковой ущерб подлежит, разумеется, возмещению как имущественный ущерб. В этой связи § 824 Германского гражданского уложения называет угрозу кредитоспособности: если кто-либо распространяет о другом лице сведения вопреки истине, в связи с чем у последнего возникают сложности в получении кредита, то

нарушитель обязан возместить причиненный вред. Если порочащие сведения вызвали неблагоприятные физические или моральные последствия для приносящей доход деятельности потерпевшего, то нарушитель обязан возместить причиненный вред. Так, если кто-либо фотографирует меня без моего ведома и использует эту фотографию в рекламе какого-либо продукта без моего согласия, то он обязан выдать мне свою полученную в результате этого прибыль. В этих и многих других случаях вред является „financially assessable“ – "может быть исчислен в денежном выражении"; он может быть исчислен и соответствующим образом возмещен и поэтому не относится к проблематике неимущественного вреда.

Путаница и смешение понятий поддающегося финансовому выражению имущественного вреда и морального вреда становятся особенно явными, когда законодатели решаются заявлять о равенстве между юридическими и физическими лицами, как, например, это имеет место в части 11 статьи 152 российского Гражданского кодекса: "Правила настоящей статьи о защите деловой репутации гражданина, за исключением положений о компенсации морального вреда, соответственно применяются к защите деловой репутации юридического лица". Онтологически совершенно очевидно, что юридические лица не в состоянии страдать от боли, печали, страха или нежелания, испытывать эти чувства могут в лучшем случае только стоящие за ними физические лица. Другими словами, юридические лица не могут страдать от морального вреда. Но вполне возможно, что против юридических лиц может вестись кампания, порочащая их деловую репутацию или уничтожающая доверие деловых партнеров. Но тогда результатом такой кампании становится весьма ощутимое удорожание кредитов или снижение объемов сбыта – другими словами, не моральный, а исчисляемый в денежном выражении материальный вред. Но, конечно, было бы правильным не только вынести судебное решение об обязательном возмещении виновным материального вреда, но и ввести против него "санкции", то есть запретить ему повторение этих действий или потребовать публичных извинений. Но это ведь нечто иное, чем денежное возмещение за распространение порочащих честь сведений или причинение страданий.

В дальнейшем мы рассмотрим вопрос морального вреда в узком смысле, отграничив его от вышеназванного вреда. Речь пойдет об особой категории требований возмещения, которая нуждается в своей собственной легитимации.

3. Сравнение правовых систем

Если сравним кодификации в разные эпохи и в разных правовых культурах, то увидим большие отличия в отношении признания этого вреда, обращении с ним и его исчислении. Для этого понадобится небольшой экскурс.

Так, новая статья 1241 французского Гражданского кодекса (СС) в редакции 2016 г., содержательно в основном соответствующая старой статье 1383 СС от 1804 г., лапидарно устанавливает, что каждое лицо несет ответственность за причиненный им вред. Судебная практика толкует понятие вреда широко, включая в него и моральный вред.

Всеобщее гражданское уложение Австрии (ABGB) от 1811 г. в случае телесных повреждений предоставляет право на возмещение расходов на лечение, возмещение неполученного заработка в настоящем и будущем и "право, кроме этого, на денежное возмещение морального ущерба, соразмерного доказанным обстоятельствам" (§ 1325). В случае лишения лица свободы виновный обязан вернуть ему свободу и "оказать полное удовлетворение" (§ 1329), причем "удовлетворение" включает в себя возмещение неимущественного ущерба. В случаях, когда была опорочена честь, имеется только право на возмещение действительного ущерба или упущенной выгоды, но не морального вреда (§ 1330).

Статья 49 швейцарского Гражданского кодекса и обязательственного права (ZGB-OR) 1911 года в редакции от 1983 года устанавливает, что лицо, личные права которого были противоправно нарушены, имеет право на выплату ему денежной суммы "в качестве удовлетворения" при условии, что "это оправдано тяжестью нарушения и нарушение не может быть исправлено никаким иным образом". Впрочем, судья в своем решении может обязать и к другой форме удовлетворения.

Новый Гражданский кодекс Нидерландов (Burgerlijk Wetboek, BW) от 1992 г. предусматривает, что потерпевший имеет право на соразмерное возмещение

нематериального вреда, если причинившее вред лицо действовало с намерением и если потерпевшему причинены физические страдания или если опорочены его честь и его репутация (ст. 6:106 BW).

Что касается постсоветских кодификаций, то мы уже упомянули ГК Армении, который сначала полностью отвергал право на денежное возмещение морального вреда, а также, с другой стороны, ГК Казахстана и ГК РФ, которые такое право ввели. Бросается в глаза, что эти права как в казахстанском, так и в российском праве выходят далеко за границы западноевропейских законов. В то время как в Швейцарии делается акцент на тяжести совершенного нарушения и надлежит проверить, нет ли других средств удовлетворения, а в Нидерландах в действиях причинителя вреда должно присутствовать намерение, в казахстанском и в российском законах право на возмещение имеется и в тех случаях, когда в действиях причинителя вреда вообще нет его вины (абз. 1 ст. 141 ГК РК и ст. 1100 ГК РФ).

Гражданский кодекс Грузии занимает некую посредническую позицию, отвергая широкое право на компенсацию морального вреда, если опорочена честь, но устанавливает, что "в случаях телесного повреждения или повреждения здоровья" потерпевший может потребовать возмещение и немущественного вреда в денежной форме (абз. 2 ст. 413 ГК Грузии).

Немецкое право заслуживает более подробного рассмотрения, так как оно характеризуется особенной неконсистентностью и открытым непослушанием судов по отношению к законодателю. Говоря в общих чертах, это указывает на различные оценки с позиций философии права и правовой политики, которые также и в других странах могут лежать в основе различных законодательных подходов, даже если это не всегда ясно сформулировано.

Философия эпохи Просвещения сыграла важную роль в развитии немецкого права. К Иммануилу Канту восходит мнение, согласно которому уважение, которое любой человек вправе требовать от другого человека, является "признанием достоинства (dignitas) других людей, оно имеет такую ценность, у которой нет цены, нет эквивалента". И хотя утрата чести может быть

"болезненнее", чем утрата состояния или даже жизни, ее невозможно возместить в денежных эквивалентах.¹

Придерживаясь этой точки зрения, наука гражданского права от Савиньи до Виндшайда отвергала денежное возмещение морального вреда в случае поругания чести и достоинства, обосновывая это тем, что достоинство и честь человека следует защищать от установления эквивалентных отношений с деньгами, чтобы предотвратить идущую параллельно с этим коммерциализацию человеческих ценностей. В протоколах совещаний по проекту Гражданского уложения Германии записано, что при обосновании права на денежное возмещение "получают преимущество плохие элементы, растут стремление к наживе, корыстолюбие и алчность [...] и ведутся многочисленные необъективные судебные процессы по нечестным мотивам".²

Исходя из этих соображений, основанных на философии права и на правовой политике, Гражданское уложение Германии (BGB) в первой редакции от 1900 года в § 253 однозначно установило, что "денежное возмещение ущерба неимущественного характера можно потребовать только в предусмотренных законом случаях" [*Перевод цитаты: изд-во Волтерс Клувер, Москва, 2004*]. В § 847 [*отменен*], то есть в разделе "Обязательственное право", содержалась дефиниция трех таких случаев, а именно: как в австрийском праве – телесное повреждение и лишение свободы, а также, кроме того, изнасилование женщины.

Начиная с 1950-х годов потерпели неудачу различные законодательные попытки ввести в BGB право на вознаграждение морального вреда в случае поругания чести и достоинства, например "Проект закона о новом регулировании гражданско-правовой защиты личности и чести" 1959 г.³, хотя в юридической литературе господствовало мнение в поддержку такого закона. 1 августа 2002 г. Законом о внесении изменений в нормы о возмещении вреда были формально изменены § 253 и § 847: § 847 был отменен, а его содержание

---

¹ Иммануил Кант "Метафизика нравов. Этическое учение о началах". Часть вторая: "Об этических обязанностях людей по отношению друг к другу с учетом их статуса", 1785 г. [Immanuel Kant, Die Metaphysik der Sitten, Ethische Elementarlehre, Zweites Hauptstück: Von den ethischen Pflichten der Menschen gegen einander in Ansehung ihres Zustandes, 1785]

² Mugdan, Die gesamten Materialien zum Bürgerlichen Gesetzbuch für das Deutsche Reich, II. Band, Recht der Schuldverhältnisse, 1899, S. 517

³ Bundestagsdrucksache III/1237 aus dem Jahre 1959

интегрировано в § 253, с той только разницей, что помимо телесного повреждения и лишения свободы появилось нарушение права на сексуальное самоопределение, чем было расширено узкое понятие изнасилования женщины. Этим только ясно показано, как в новой статье 1241 французского Гражданского кодекса (СС), что речь идет не обязательно только о проблематике деликтного права. Однако законодатель снова отказался расширить содержание нормы путем включения в нее права на денежное возмещение в случаях нарушения личных прав и оскорбления чести.

Мы так подробно описываем это развитие права, так как оно показывает, каким образом история Германии способствовала толкованию *contra legem*, т. е. вопреки нормам закона. Не взирая на историю законодательства и данное однозначный отказ законодателя распространить право получения денежного возмещения также и на нарушение личных прав и оскорбление чести, Федеральный верховный суд Германии, начиная с 1958 года, признает такое право, открыто не повинаясь закону и вопреки ясному тексту § 253.⁴ По нашему мнению, эта судебная практика противоречит конституции Германии, так как Основной закон в статье 97 устанавливает, что "судьи [...] подчиняются только закону". Несмотря на это, Федеральный конституционный суд встал на защиту судебной практики и объявил ее соответствующей требованиям конституции.⁵

4. Легитимация

Чем можно объяснить такую редкую для Германии ситуацию открытого неповиновения закону и принятия методически полностью недостаточного судебного решения? Следовало бы предположить, что речь идет о самой базовой проблематике.

Федеральный верховный суд придерживался мнения, что ограничительная позиция законодателя перестала соответствовать условиям и ценностным представлениям современного общества. Он подчеркнул "право человека на уважение своего достоинства и свободное развитие личности" как "основное материнское право" и высказал мнение, что из него следует выводить

---

⁴ Первое судебное решение в этом направлении было вынесено Федеральным верховным судом в 1958 году: Bundesgerichtshof in: Neue Juristische Wochenschrift, 1958, S. 827 ff. „Herrenreiter“. Seit der Zeit ständige Rechtsprechung. Übersicht bei: Grunsky, Münchner Kommentar zum BGB, Band 2, 3. Auflage 1994, § 253, Randnummer 5.

⁵ Bundesverfassungsgericht in: Neue Juristische Wochenschrift 1973, S. 1221 ff.

конкретизирующие формы права "касательно различного рода личных прав отдельного индивидуума, его жизненных благ и отношений с окружающей средой". За лицом, честь и личные права которого поруганы, должно быть признано право на "удовлетворение" как на "адекватную санкцию", чтобы компенсировать "уменьшение общественного уважения" и "чувствительное оскорбление"; из этого следует, что согласно принципу "сопоставления благ и интересов" заменить деньги может только "очень серьезное ущемление личного права", чтобы воспрепятствовать тому, что "незначительные ущемления используются неподобающим образом, чтобы на этом заработать"; но тогда нематериальный вред является "единственным средством для определенного возмещения неуважения". Если ему воспрепятствовать, то затронутое лицо начинает ощущать не только правовую беззащитность перед фактом противозаконного ущемления своих прав и интересов, но серьезно страдает и уважение им барьеров в социальной жизни, установленных личными правами человека".⁶

Ни Федеральный верховный суд, ни Федеральный конституционный суд не высказали свою позицию по поводу того, что все эти аргументы были известны и законодателю и что этот последний, не смотря ни на что, отказался принять соответствующий закон согласно смыслу мнения судов.

Кроме того, представляется, что немецкие судьи находятся во власти заблуждения, которое почти систематически возникает у современных поколений по отношению к предыдущим поколениями, а именно: считают себя умнее, мудрее, чувствительнее и справедливее, чем были философы и юристы до них.

На самом деле моя интерпретация истории достоинства и чести отличается от судейской. Я, скорее, прихожу к выводу, что социумы XVIII и XIX веков с их ценностными представлениями, сложившимися под воздействием религии, политики и патриархального строя, имели более точное представление о достоинстве и чести членов общества, чем сегодняшнее представление, которое сложилось путем преодоления как раз именно этих ценностей и характеризуется пост-модернистской "всеядностью" и индивидуализацией.

---

⁶ Die Zitate sind den Entscheidungen des Bundesgerichts entnommen, die in der offiziellen Entscheidungssammlung „Bundesgerichtshof in Zivilsachen“ (BGHZ) veröffentlicht sind: BGHZ Band 26, 349 (1958); BGHZ Band 30, 7 (1959); BGHZ Band 39, 124 (1963)

Ведь Кант мог, исходя из некоторых эмпирических оснований, сказать, что честь и добродетель для многих людей были важнее, чем имущество и даже жизнь. Я сомневаюсь, согласно ли сегодняшнее поколение с этой шкалой ценностей. Я констатирую это без сожаления, так как ценностные представления всегда имели и имеют некий принудительный и ограничивающий характер.

Индивидуализация означает, что отношения между людьми во все большей мере становятся рыночными. В то время как для Канта честь была ценностью, у которой не было ни цены, ни эквивалента, сейчас все имеет свою цену, даже если это не обладает ценностью. Еще где-то полвека назад, в годы моего обучения в университете, на лекциях по гражданскому праву речь шла о предметах и благах "extra commercium", то есть изъятых из коммерческого оборота. Имелись в виду такие предметы и блага, которые не могли быть проданы за деньги, например сакральные предметы. А сегодня антикварные лавки забиты алтарями, выставленными на продажу.

Тенденция такова, что все становится товаром. Даже почки, любовь, суррогатное материнство, сперма, дети, нога футболиста, рука теннисиста, чье-либо лицо – все имеет свою цену, даже хотя и предпринимаются попытки (на мой взгляд, легальные) изъять торговлю детьми, любовью и человеческими органами из нормальных коммерческих отношений.

Немецкие суды и большинство современных законодателей уступили этой тенденции. Речь идет не о благородном признании ценности чести, а о ее цене. Денежное возмещение оскорблений чести и попрания личных прав превращает честь в товар, который имеет свою цену. И даже хотя Федеральный верховный суд Германии заверяет, что он своими решениями не способствует "коммерциализации чести"⁷, он именно это и делает. Наоборот, немецкий законодатель пытается ограничить эту коммерциализацию с помощью своих альтернатив для защиты достоинства и чести; но мощь рынка сильнее.

Если однажды уже был сделан шаг в направлении признания товаром чести и достоинства различных лиц, то они неизбежно получают разные рыночные цены. Конституционно-правовой принцип, что все люди обладают равным достоинством и что их честь имеет равную ценность, опровергается практикой

---

⁷ Bundesgerichtshof in Zivilsachen (BGHZ), Band 39. S. 124/131

денежного возмещения. Обосновывается это тем, что богатому человеку в случае оскорбления его чести следует выплатить больше денег, чем бедному, так как для первого из них удовлетворение наступит только при получении более высокой суммы, в отличие от бедного, который испытает удовлетворение уже и от маленькой суммы. В судебных решениях немецких судов императрица Сорайя занимает самую высокую строчку в рейтинге сумм, полученных за моральный ущерб, за ней идет принцесса из Монако и дикторша телевидения, а также актер кино, в то время как профессор церковного права получил едва ли половину этой цены, а в самом низу рейтинга находятся кровельщик и моряк. Следуя этой жестокой логике можно составлять "таблицы компенсации морального вреда"⁸, по которым (рыночная) стоимость человека может быть рассчитана, исходя из цены, которую он получает в качестве компенсации оскорбления своей чести.

Это подводит нас к более общему вопросу установления размера денежного возмещения. Он усложняется за счет того, что законы в разных странах формулируют различные целеустановки. В то время как в немецком правосудии необходимым условием является значительное поругание чести и оскорбивший должен нести тяжелую вину, что ставит решение этого вопроса в зависимость как от защиты потерпевшего, так и от негативной оценки действий причинившего вред лица, в Нидерландах закон ограничивает право на получение возмещения случаями преднамеренного причинения вреда, то есть ставит условием только санкционирование причинителя вреда. В других законах, например в Казахстане и в России, вообще никак не учитывается вина причинившего вред лица и не предусматривается как условие особая тяжесть вреда.

В различных подходах задокументирована неопределенность относительно того, возможно ли и, если да, то как обеспечить исчисление морального вреда в денежном измерении. По нашему мнению это фактически исключено. Речь идет именно о той ситуации, в которой проекты Комиссии международного права Генассамблеи ООН (ILC Draft Articles) в сфере международного права исключают право на возмещение, поскольку отсутствует возможность денежного исчисления (financial accessibility), и отсылают потерпевшего к

---

⁸ Palandt-Grüneberg, Kommentar zum BGB, 72. Auflage 2013, § 253, Randnummer 15

"сатисфакции". Напротив, национальные суды обладают практически неограниченной дискреционной властью устанавливать компенсации без оснований и без возможностей доказывания. С точки зрения верховенства права это в принципе не допустимая свобода произвола.

Одновременно на преследовании случаев оскорбления чести можно получать интересный дополнительный доход. О принцессе из Монако сообщают, что она принимала на службу лиц, которые систематически изучали прессу на предмет того, не появятся ли в печати негативные статьи о ней или фото. Как только это случалось, открывался судебный процесс с целью получения возмещения морального вреда и пополнения таким образом банковского счета.

Поэтому сложилась именно та ситуация, которая в конце XIX века побудила немецкого законодателя не допустить никакого денежного возмещения: некоторые люди начинали судебные процессы по недобросовестным мотивам, чтобы удовлетворить свою жажду наживы.

В этой связи следует указать на опасность, которая реализуется более чем в одной стране. Когда в печати критикуют власть имущих – политиков и бизнесменов – или упрекают их в разных прегрешениях, например в коррупции или недобросовестной конкуренции, то нередко случается, что подвергшиеся таким нападкам лица подают судебные иски о получении денежного возмещения морального вреда, и эта компенсация должна быть, разумеется, высокой, чтобы они почувствовали удовлетворение. Бывает и так, что получившие этим путем компенсацию лица не стремятся к исполнению судебных решений, а используют их как угрозу в адрес органа печати: они угрожают исполнением в случае повторного появления негативных статей. Таким образом, денежное возмещение оскорбления чести становится политическим инструментом для ограничения свободы прессы.

5. Заключение

По всем этим причинам я не разделяю восторгов относительно денежного возмещения морального вреда. Я придерживаюсь мнения, что достоинство и честь человека должны защищаться нормами уголовного права и прочего публичного права и что в частном праве право на публичное опровержение, на формальное извинение и право на прекращение поруганий чести и достоинства должны обеспечивать действенную защиту личности. И хотя денежное

возмещение хорошо вписывается в логику рынка и мира товарооборота, но его неопределенность не укладывается даже в эту рациональность, так как неотъемлемая ценность личности и цена товаров несовместимы. Задача устанавливать такую цену возлагается на суды, при этом они не имеют в своем распоряжении методов доказывания. Так как обычно процессы начинают не уважаемые "обычные люди", когда их оскорбляют знаменитости, богачи и власть имущие, но, наоборот, в суд обращаются именно знаменитости, богачи и власть имущие, чтобы защитить от критики свой имидж в глазах общественности и потребовать платы за нападки, то возникает ситуация, которая не защищает ценность неотчуждаемого достоинства, но имеет политически негативные последствия для свободы выражения мнения.